

"Папа!" в страхе закричала София. Тупые мандибулы вцепились в ее маленькую нежную руку, перемалывая плоть и ломая кости. Тич хрипел, пытаясь отпрыгнуть назад и вырвать ее из челюстей, но это только усиливало ее страдания. В свою очередь, существо яростно трясло головой туда-сюда, как бешеная собака, дергающая за конечность добычу.

"Отпусти ее!" приказал Тич, но его слова прозвучали глухо. София, оказавшаяся между тем, что ее тащил отец, и тем, что ее терзало чудовище, не могла ничего сделать, кроме как плакать, кричать и биться. Но это была нечестная борьба. С одной стороны, был отец, борющийся за жизнь своей дочери, а с другой - монстр. Судьба Софии была предрешена, и вот, с последним рывком, который наверняка вывихнул ей руку и разорвал несколько сухожилий, она была с силой вырвана из рук отца, оставив ее дрожащее от боли тело барахтаться, удерживаемое в воздухе только мандибулами монстра.

"Д..., папа...", - слабо задыхалась она, ее желание бороться почти полностью исчезло. Кости ее руки превратились практически в пыль, да и мышцы были не лучше. Она была в нескольких минутах от потери сознания, и Тич знал это. Сжав челюсти, он боролся между желанием броситься на кровожадного монстра, убежать или выбрать страшный третий вариант - "Замри". Голова раскалывалась, грудь вздымалась, глаза налились кровью, он стоял неподвижно, обдумывая свой выбор, не понимая, что решение уже принято.

"Учи!!! Отвечай!" потребовал Тифтос, хлопнув ногой по вечной тьме внизу. Повторяющаяся мантра "трах-трах-трах", которая повторялась последние несколько минут, оборвалась. Наступила тяжелая тишина, и Тифтос почувствовал, как сердце подпрыгнуло в горле.

"На мою дочь напал монстр-насекомое, и я ничего не могу с этим поделать", - ответил Тич, его голос был таким же монотонным и мертвым, как и его боевой дух.

"Ты ЧТО!?! Клянусь Богиней Беатрис, что ты тут стоишь?! Я не..., она ранена? Я священник, я могу ей помочь! Я не знаю как, но, пожалуйста, позвольте мне!" Тифтос умолял, его тщательно отточенная потребность помогать нуждающимся разгоралась. Его много лет учили исцелять, и, несмотря на то, насколько циничным был его хозяин, потребность помогать осталась. Может, его и заставили стать священником, но учение Беатрис было близко его сердцу.

"Как?" резко спросил Тич. Его рот был сухим, как кожа.

"Я не... я не знаю! Но... я научу тебя! Я научу тебя пользоваться магией, и ты будешь в порядке, и она будет в порядке, и... не паникуй, ладно? Если ты запаникуешь, все закончится раньше, чем ты это поймешь! Я... я научился этому у друга. Прежде всего, я хочу, чтобы ты почувствовал себя глубоко внутри себя..." попытался Тифтос. Теперь Тифтос не мог знать, есть ли у Тича вообще Церритул, и даже если есть, то вероятность того, что этот метод сработает, должна была быть очень большой, но... у Тифтоса не было выбора. Он должен был что-то сделать.

"Хорошо..." ответил Тич, и, как бы больно ему ни было, он обратил свое внимание внутрь себя. Внутри него... ничего не было. Сначала, то есть. Сквозь всю панику, весь кортизол и адреналин, текущие по его венам, помимо колотящегося сердца, было что-то необычное. Присутствие, которое он ощущал и раньше, но никогда так близко...

"А?" Тифтос тоже почувствовал это, но с другой стороны. Что-то, кто-то, тянулся к нему. Он ответил ему взаимностью, и договор был скреплен.

Когда оба открыли глаза, они были единым целым. Их осенило узнавание. Это существо, эта штука... была птериканским насекомоподобным. Или, по крайней мере... почти. Если не

обращать внимания на мешающие человеческие элементы и человекоподобную позу, это определенно был какой-то насекомоподобный, и, если верить воспоминаниям Тифтоса, птериканский. Учитывая, что птериканский вариант должен был быть послушным, было удивительно, что он зашел так далеко. Возможно, его довел до этого голод? Как бы то ни было, Тифтос столкнулся с тем, что его предположение о том, что речь идет о лечении, было неверным. Речь шла о побеге, надеюсь, с живой Софией на буксире.

К счастью, они чувствовали себя сильными. Их тело было моложе и старше, чем раньше, как будто их физические и психические аспекты слились воедино. Но у них не было на это времени! Насекомоподобные уставились на них, большеглазые и безглазые, растерянные и ошарашенные. София выпала из его раскрытых челюстей и грохнулась на пол, болезненно задыхаясь. Прежде чем что-то еще могло произойти, она свернулась в клубок и начала всхлипывать, сжимая свою раздробленную руку.

Это разожгло огонь внутри и Тича, и Тифтоса. И потому, что Софии было так больно, и потому, что они не смогли помочь. Но, несмотря на это, сочетание священника и учителя не делают бойца. Вдвоем они бросились на насекомоподобного, держа кулаки наготове и оскалив зубы.

Но их отбросило в сторону. Как легко сбивают прыгающую кошку, так и эти двое врезались в ближайшую стену, кашляя и покрываясь синяками. Ни Тифтос, ни Тич не были физическими людьми. Они были людьми разума. И поэтому они оба знали, что у них нет ни единого шанса. Единственное, что удерживало их от того, чтобы схватить Софию и бежать к холмам, - это жажда мести. Да и то в качестве превентивной меры. Если они убегали, то рисковали жизнью других, если оставались, то рисковали своей жизнью...

Но, когда все дошло до дела, это было лишь оправданием. Тифтос был конфронтационным подростком, живущим жизнью без компромиссов. Если появлялся зверь, угрожавший городу или человеческим жизням, он и его группа отправлялись разбираться с ним без лишних вопросов. Конечно, сдать и передать задание более компетентной группе всегда можно было, но это было редкостью. Борьба до последнего была нормой, а побег - нет. Побег считался глупым и негероическим поступком, а передача задания другой команде - трусостью.

Но Тич знал лучше. Он видел, как дети приходят и уходят, как хулиганы делают свое дело, как насилие приводит лишь к раскаянию, и в каком-то смысле ему это было противно. Он больше заботился о благополучии себя и своего ребенка, чем об эмоциональном удовлетворении от победы над врагом, и... он больше заботился о себе и своем ребенке, чем о жизни незнакомца. Он без колебаний сбежал бы и предоставил кому-то другому разбираться с этим отвратительным существом, если бы это означало, что он и Софи смогут уйти безнаказанными.

Итак, это была битва между героическим Тифтосом и трусливым Тичем, между эмоциональным и рациональным, заботливым и эгоистичным, правым и правильным.

В конце концов, рациональность победила.

Их слияние бросилось на Насекомоподобных, воздух свистел в их ушах, когда они неслись со скоростью, превышающей скорость, которую оба когда-либо знали. Существо едва успело среагировать, как молодая, разбитая девочка была подхвачена ими на руки. Быстро, пока существо не успело среагировать, они побежали. Щелчок был далеко, с каждым шагом все дальше, и вскоре они совсем исчезли. Остановившись на главной улице, они обратили внимание на уличные знаки. Восточная Чаплин-роуд.

Инстинктивно они распахнули куртку и достали из внутреннего кармана телефон Тича. Набрал

номер, по которому никто не думает звонить, они подождали, пока линия перестанет пищать. Тем временем они заметили, что на них надето. Странный длинный светло-голубой шерстяной (или сделанный из шерсти какого-то неведомого зверя) халат с высоким воротником и двойной грудкой, под которым удобно примостилась черная водолазка. На талии висели два коричневых кожаных пояса, с которых свисали ранцы с лечебными предметами и травами, а также гримуар, наполненный заклинаниями и заклинаниями для тех, кто обладал талантом их произносить. На руках они носили пару дежурдиков, а на ногах - пару кожаных сапог.

Самым интересным аспектом, помимо странных перчаток, был усиливающий ошейник на шее. Он должен был помочь легче направлять магию через горло, что он и делал, но... для этого нужно было быть совершенно неподвижным, а значит, он имел несколько рядов колючек, которые вонзались в кожу и плоть в определенных местах, чтобы обеспечить максимальную безопасность. Тифтос, годами носивший обычный колдовской предмет, уже привык к нему, но Тич не принимал. Она зудела и болела, и он хотел ее снять.

Но их работа еще не была закончена. Прежде чем что-то еще произойдет, они должны были что-то сделать с этой рукой. К счастью, тупые мандибулы насекомоподобного не смогли пробить плоть, но ситуация все равно была плачевной. Единственным плюсом было то, что София потеряла сознание, что значительно облегчило бы операцию.

Положив Софию как можно бережнее на выращенное тело, Тич позволил более тифтосской части взять себя в руки. Положив одну руку на поврежденную, а другую на неповрежденную, они позволили теплой, исцеляющей магии течь через Софи, от одной руки к другой, обратно в них, и так по кругу. Это было просто для выяснения ситуации. Бормоча демонические песнопения, они приступили к настоящей работе, используя элемент Магии Тифтоса - Силу притяжения и отталкивания, вставляя кости в нужные места, выравнивая вещи, вставляя сухожилия в нужные места, прощупывая неровности. Как только это было сделано, началось настоящее "исцеление": кровеносные сосуды регенерировались, кости срастались, плоть отрастала. Это заняло около двадцати минут, и когда все было сказано и сделано, они открыли глаза и увидели парамедика, который пытался привлечь их внимание.

"Сэр? Это жертва? Мы должны отвезти ее в больницу", - сказал он, и ему неохотно передали все еще бессознательную Софию. Помимо скорой помощи, был направлен полицейский корабль, чтобы убедиться, что нападавший не на свободе, но они уже приступили к работе.

Двое приехали в больницу на машине скорой помощи, и все успокоилось.

Только после того, как Софию выписали, около четырех часов вечера, один снова стал двумя.

<http://tl.rulate.ru/book/43655/1988438>